

Одес. Нов. 6/118.

Открытие театра

1905.

А. И. Сибирякова.

Вчера, въ 12 час. дня, состоялось торжественное открытие и освящение нового театра А. И. Сибирякова. На освящении присутствовали: пом. одесского градоначальника т. с. В. П. Старковъ, гор. голова П. А. Зеленый, председатель технического общества генерал-лейтенантъ А. И. Деппъ, гласные думы, члены технического общества, представители печати, артисты харьковской труппы, театра Сибирякова и др. лица. Послѣ богослуженія, состоявшагося въ большомъ фойе театра, настоятель церкви кадетскаго корпуса свящ. Петровский произнесъ слѣдующую рѣчь:

Почтённое собрание! Конечно, вы знаете, для чего строить театры. Знаете и то, для чего сотни и тысячи людей сходятся въ театр. Но наше знаніе часто бываетъ похоже на огонь, вызываемый ударомъ стали по кремню: скрытое въ насъ знаніе вспыхиваетъ ярче отъ прикосновенія сторонней мысли.

Въ этотъ торжественный и, можно сказать, единственный моментъ сближенія церкви и театра, моментъ освященія и благословенія всего, что „на пользу“ сцени-

ческаго искусства, я не рѣшаюсь утомлять ваше вниманіе сужденіями объ идеалахъ театральнаго искусства, объ условіяхъ, благоприятствующихъ или вредящихъ его развитію, и т. п. На лицо есть вопросъ болѣе жизненный и назрѣвшій — объ отношеніи церкви и театра, объ отношеніи церкви къ сценическому и пластическому искусствамъ. Вѣдь ни для кого не тайна, что церковь освящаетъ зданія театровъ, благословляетъ дѣятелей сцены и драматической, и оперной, — и, вмѣстѣ съ тѣмъ, относитъ къ театральнымъ зрѣлищамъ съ предосудженіемъ, а на представителей театральнаго искусства смотритъ, какъ на имѣющихъ на себѣ даже нѣкоторую печать отверженія. Мы — представители церкви, молимся здѣсь, на театральныя подмостки, — и мы-же чуждаемся этихъ подмостковъ, обѣщаемъ ихъ; а тѣ изъ насъ, у кого хватаетъ смѣлости бывать въ театрѣ, бываютъ тайкомъ и на подобныя посѣщенія сами смотрятъ, да и люди смотрятъ предосудительно. Что же это — сознательное ли противорѣчіе, или пережитокъ прошлаго, отъ котораго еще не освободились умы?

Вдумываясь, припоминаю и не нахожу въ христіанскомъ откровеніи уроковъ объ усовершенствованіи эстетическаго чувства, искусствъ драматическаго, сценическаго и подобныхъ. Напротивъ, съ апостольскаго вѣка, чрезъ всѣ святоотеческіе уставы и правила, чрезъ постановленія церкви проходятъ отрицательное къ нимъ отношеніе. Почему и отчего, — это вопросъ другой, и рѣшеніе такого вопроса стоитъ въ неразрывной связи съ аскетическими взглядами, преобладавшими въ тѣ отдаленныя времена у церковныхъ писателей и законодателей, съ крайней распушенностью театральныя нравовъ стараго языческаго времени, съ тѣмъ деморализующимъ вліяніемъ, какое производилъ языческій театр.

Однако, въ принципѣ церковь и театръ диаметрально противоположны. Зная, что въ человѣческихъ дѣяніяхъ, склопностяхъ и чувствахъ существуетъ постепенность, церковь устанавливаетъ на нихъ соответствующія постепенныя точки зрѣнія: одно отрицаетъ и запрещаетъ, какъ вполне чуждое духу христіанства, другое терпитъ и дозволяетъ, иное одобряетъ и поощряетъ. Этотъ принципъ примѣнимъ и къ искусствамъ вообще, къ сценическому — въ частности. Все развивающее, смягчающее, воспитательно на волю и сердце вліяющее, все, что возвышаетъ, вслѣдъ за изысканьемъ вкуса, и нравственное чувство, — все это церковь одобряетъ, даже благословляетъ.

По самой идее своей театръ имѣетъ цѣлью обличать страсти, вскрывать низость человѣческихъ поступковъ, бичевать общественные пороки, казнить людскія слабости. Онъ это и дѣлаетъ, если только вы благополите припомнить, что на сценѣ воспроизводятся высочайшія, истинно-классическія творенія мировыхъ поэтовъ — Шиллера, Шекспира или же нашихъ — Пушкина, Алексѣя Толстого.

Театръ даетъ зрѣлище смѣха, за которымъ слышатся невидимыя міру слезы, обнажаетъ беззастѣсливую горю, вскрываетъ „плоды современнаго просвѣщенія“, утопчаетъ, очищаетъ, поднимаетъ внутреннія и вѣдшія чувства и вкусы. Но развѣ не тѣ же задачи входятъ и въ воспитательную дѣятельность церкви, хотя и подъ другими формами? Конечно, нельзя пазвать театръ училищемъ безукоризненно-чистой морали; странно было бы называть его и школой христіанскаго цѣломудрія. Но, несомнѣнно, онъ учитъ любить родную и чтить старину, предлагая такіа зрѣлища, какъ „Жизнь за Царя“ или „Рогнеда“.

По существу, въ корнѣ онъ все-таки школа воспитанія народныхъ массъ.

Не подумайте, что, говоря такъ, я уравниваю церковь съ мѣстомъ театральныя зрѣлища. Пусть театръ остается, какъ говорятъ, храмомъ искусства, — церковь всегда была и будетъ храмомъ вѣры. Значитъ, отношеніе между ними такое же, какъ между искусствомъ и вѣрой. Искусство же во всѣхъ его видахъ держится на естественной потребности самолюбія и одобряется христіанствомъ лишь тогда, когда развиваетъ и возвышаетъ нравственное чувство. Вѣра, напротивъ, захватываетъ и руководитъ полнымъ кругомъ душевныхъ дѣятельностей — и умомъ, и волей, и сердечной силой; естественную склонность самолюбія она ограничиваетъ и идеаломъ совершенства ставитъ вѣчто совершенно противоположное самолюбію, а именно: самоотверженіе, самоотреченіе отреченіе отъ собственной воли, отъ умственной самоуверенности, — все, что служить къ укрѣпленію беззаветной, поглощающей существо человѣка любви къ Высочайшему Существо, а затѣмъ къ развитію и самоотверженной любви къ ближнему. Ясно, что въ цѣломъ процессъ воспитанія нравовъ искусство стоитъ на вѣсколько ступеней ниже вѣры: можетъ идти вслѣдъ за ней, по можетъ и уклониться въ сторону. Оно, несомнѣнно, крупный воспитательный факторъ, когда имъ управляютъ крѣпкія руки и христіанско-поставленная голова; но оно же можетъ вызывать и негодованіе, и отвращеніе, и отверженіе со стороны христіанской церкви, какъ вызывало. Впрочемъ, и тутъ есть свое примиряющее звено, но крайней мѣрѣ, для насъ, для русскихъ. Какъ-бы пессимистически мы ни были настроены, все-таки нельзя же утверждать, что вѣра и церковь въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній не оказали своего смягчающаго, облагораживающаго вліянія на русскіе нравы. А если такъ, то не будетъ правды и въ крайней точкѣ зрѣнія, что „театральныя зрѣлища учатъ только безнравственности“, что „современный репертуаръ свидѣтельствуетъ о полномъ упадкѣ нашихъ нравовъ, вкусовъ и искусства“, что вообще „христіанство и театральныя зрѣлища противны другъ другу, что называється, въ принципѣ“.

Однако, отчего же церковь смотритъ, а иногда и отзывается предосудительно о сценическомъ искусствѣ, объ его представителяхъ и престоителѣнцахъ? Отчего въ принципѣ допускаетъ и даже одобряетъ этотъ родъ искусства, она раздражается противъ него громами и во времена давнія на столько грозными, что отголоски ихъ слышатся и нынѣ? Отчего? — Да оттого же, отчего она вооружается, сторонится и отсѣкаетъ отъ себя все вообще печистое, все безнравственное, раздражающее человѣческой умъ, человѣческую душу. Это — вѣ долгъ. Это — показатель современнаго упадка вкусовъ и нравовъ, предостерегающій зовъ людямъ, взявшимъ на себя роль быть воспитателями толпы, и не осознающимъ, что они сами дурно воспитаны.

Идеаломъ христіанскаго совершенства всегда были и будутъ — чистота помысловъ, святость не только поступковъ, но и словъ и мыслей, незапятнанность воображенія, недоступность уму и сердцу всего празднаго, пустого, двусмысленнаго. Какъ же церковь, носительница такого идеала, молчать, какъ ей не предостерегать своихъ членовъ, какъ ихъ не сдерживать, когда въ театрахъ ихъ умъ занимаютъ цѣлыми тучами пустословія, оускаютъ „на дно“ человѣческой грязи и низости, или предлагаютъ полюбоваться пластикой самой педержанной, необузданной грации?

Или еще: цѣлью воспитательныхъ воздѣйствій церкви на народъ всегда было поддержать его религіозность, провести въ сознаніе важность элементарныхъ истинъ морали, удержатъ отъ грубыхъ развлеченій. Что же дѣлать ей, если, напр., народный театръ, который ставитъ своей задачей дать темному люду школу хорошихъ привычекъ и добрыхъ нравовъ, если этотъ театръ вдругъ начнетъ систематически развѣрживать передъ зрителями картины дѣтубійствъ, разврата, отцеубійствъ, похотливаго пьянства, кощунствъ и т. д.? Ужели молчать, смотрѣть сквозъ пальцы? Допустите, что такая тенденція въ проповѣдяхъ сценическаго искусства есть, да прибавьте къ производимому ею воспитательному впечатлѣнію на народъ особіе школы, руководимыя не то, что маловѣрующимъ, а прямо-таки невѣрующимъ учителемъ, да дѣйствіе подпольной литературы, распространяемой въ миллионныхъ листовъ и картинъ самаго возмутительнаго содержанія, — къ чему же это мы придемъ и во что обратится народъ, и какова будетъ церковь въ лицѣ ея представителей, если съ ея стороны не послѣдуетъ „ни одного глагола“? Не останется ли вамъ только одно — дѣлаться зѣлою?

Общепризнанный фактъ, что съ паденіемъ вѣры падаетъ и искусство. Значитъ, обратно: паденіе искусства (естъ) признакъ упадка вѣры. Это вовсе не то значить, что христіанство слабо: оно просуществовало вѣка и вѣка будетъ существовать послѣ насъ; а то это значить, что представители искусства слабы въ вѣрѣ, что въ своемъ увлеченіи они даютъ перевѣсъ воспитательному значенію искусства надъ воспитательнымъ значеніемъ вѣры. Такого образомъ, являясь выводъ: чтобы искусство цвѣло, чтобы театръ отвѣчалъ своей прямой цѣли, чтобы онъ осуществлялъ близко къ идеалу тѣ воспитательныя задачи, для которыхъ и возникъ, необходимо, чтобы люди, руководящіе его

жизнью, были людьми вѣрующими, чтобы вкусамъ толпы и духу времени они какъ можно менѣе отводили мѣста, сами этимъ вкусомъ давали тонъ. Тогда ихъ поймутъ и оцѣнятъ. Тогда и на ихъ совѣсти не будетъ упрека, что, взявшись за трудное дѣло воспитателя массъ, не сдѣлалъ, какъ христіанинъ, того, что могъ бы сдѣлать, или сдѣлалъ худшее, чѣмъ думалъ.

Желаю и приглаголю всѣхъ пожелать А. И. долгихъ лѣтъ и серьезнаго труда на славу и пользу русскаго сценическаго искусства, а на его дѣло призываю благословеніе Промыслителя міра.

Затѣмъ артистки труппы новаго театра г-жи Волгина и Морская поднесли А. И. Сибирякову икону Касперовской Божіей Матери. М. И. Морская обратилась къ А. И. Сибирякову со слѣдующими словами:

Дорогой А. И! Здѣсь... вотъ сейчасъ совершился великій актъ вашей жизни: многолѣтнія мечты ваши облеклись въ дѣйствительность, труды ваши увѣнчались успѣхомъ, и мы всѣ вообще въ горячей молитвѣ просили у Нашего Творца и Создателя и Его Пречистой Матери ниспослать благословеніе на сооруженное нами зданіе. Задомомъ нашего искренняго желанія да будетъ эта икона Касперовской Божіей Матери, которую мы, ваша первая драматическая труппа, приносимъ въ даръ вновь созданному вами театру. Молитвами Богоматери да не оскудѣетъ ваше новое дѣло и да процвѣтетъ оно на многіе и многіе годы.

Послѣ этого гости приглашены были въ залъ, а артисты и администрація театра отправились на сцену. Городской голова П. А. Зеленый разрѣзалъ ленту, протянутую череаъ сцену и завязѣвъ былъ раздвинутъ. Хоръ и оркестръ исполняли народный гимнъ: „Боже, Царя Храни“. А. И. Сибиряковъ привѣтствовалъ городское общественное управленіе въ лицѣ П. А. Зеленаго за сочувственное отношеніе къ его дѣлу. Въ отвѣтъ на обращеніе А. И. Сибирякова гор. голова П. А. Зеленый сказалъ слѣдующее:

Существуетъ мнѣніе, что вашъ театръ будетъ конкурировать съ Городскимъ театромъ безъ пользы для одного и другого. Я лично этого мнѣнія не раздѣляю. Конкуренція, конечно, будетъ, но на почвѣ лучшей постановки и развитія театральнаго дѣла въ Одессѣ, а это театральное дѣло, какъ мы слышали и отъ служителя церкви, есть дѣло не только эстетическое, но и имѣющее большое воспитательное значеніе. Населеніе Одессы довольно велико для обоихъ театровъ и если въ одномъ и другомъ театрахъ дѣло будетъ стоять на должной высотѣ, то ничего не получится, кромѣ пользы для населенія города. Въ этихъ видахъ и съ этой надеждой я подымаю бокалъ за развитіе дорогаго для васъ поворожденнаго дѣтища, которое съ перваго же момента открытія является совершеннополнѣннмъ. За ваше здоровье и да процвѣтетъ ваше дѣтище на общую пользу.

Слова гор. головы покрыты были шумными аплодисментами и тупемъ оркестра. Затѣмъ П. А. Зеленый обратился къ собравшимся на сценѣ артистамъ и сказалъ: „Вы, господа, служите искусству, въ то же время будете служить жителямъ города, доставляя имъ эстетическое удовольствіе. За ваше здоровье и вашу успѣхъ“.

А. И. Сибиряковъ обратился съ рѣчью къ артистамъ труппы и своему товарищу по антрепризѣ А. И. Долинову съ пожеланіемъ удачной работы и съ просьбой работать дружно на пользу общаго дѣла.

Отъ имени труппы А. И. Сибирякова привѣтствовалъ А. И. Долиновъ, а затѣмъ оркестръ подъ управленіемъ г. Вернарди исполнилъ торжественную кантату.